

Цифровизация: новые риски для людей с инвалидностью. Постановка проблемы

УДК 304.9 DOI <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2021-4-3-44-52>

Получено 17.06.2021

Доработано после рецензирования 19.07.2021

Принято 04.08.2021

Мещерякова Наталия Николаевна

Д-р социол. наук, проф., ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский политехнический университет», г. Томск, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7658-7993>, SPIN: 8265-0899, AuthorID: 611303

E-mail: natalia.tib@mail.ru

Роготнева Елена Николаевна

Канд. филос. наук, доц., ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский политехнический университет», г. Томск, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4843-6925>, SPIN: 5203-3367, AuthorID: 152615

E-mail: erogotneva@tpu.ru

АННОТАЦИЯ

Философия независимой жизни подразумевает возможность вести не зависящую от третьих лиц жизнь людям с инвалидностью. Цифровизация важнейших сфер деятельности: образования, занятости и трудоустройства, здравоохранения, государственного управления, – рассматривается, в том числе, как важнейший инструмент решения этой задачи. Но, как показывают эмпирические исследования, вторичный анализ результатов которых проведен в этой статье, на настоящий момент цифровизация создает дополнительные социальные барьеры, увеличивая сегрегацию и усугубляя неравенство данной социальной общности. На доступность современных информационно-коммуникационных технологий и способность ими воспользоваться влияют как общие для населения независимые факторы (возраст, образование, доход, тип поселения), так и специфические, присущие только этой социальной общности (нозология и тяжесть функционального дефекта). Невнимание в рамках программ цифровизации к факту, что инвалидность имеет индивидуальную траекторию и для полноценного пользования современными информационно-коммуникационными технологиями люди с инвалидностью нуждаются

в ассистивных технологиях, затратах на них, совместимости вспомогательных программ с дизайном веб-сайтов, – одна из главных причин возникновения цифрового неравенства у этой категории населения.

Для минимизации цифровых барьеров в зависимости от индивидуальных потребностей инвалидов предложено:

- 1) расширить функции, компетенции и технические возможности социальных работников и/или организовать технологическое сопровождение жизнедеятельности силами волонтеров;
- 2) развивать программы дополнительного информационного образования;
- 3) рассчитать затраты на ассистивные технологии для отдельных нозологий для оказания адресной социальной помощи;
- 4) поощрять и субсидировать разработку ассистивных технологий в рамках государственной финансовой помощи высокотехнологичным разработкам;
- 5) учитывать в программах цифровизации особые потребности людей с инвалидностью.

Ключевые слова

Индивидуальная модель инвалидности, социальные барьеры, социальная модель инвалидности, цифровизация, информационно-коммуникационные технологии, ассистивные технологии, цифровое неравенство, цифровой разрыв, инклюзивное общество

Для цитирования

Мещерякова Н.Н., Роготнева Е.Н. Цифровизация: новые риски для людей с инвалидностью. Постановка проблемы // Цифровая социология. 2021. Т. 4, № 3. С. 44–52.

Digitalization: new risks for people with disabilities.

Problem statement

DOI <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2021-4-3-44-52>

Received 17.06.2021 Revised 19.07.2021 Accepted 04.08.2021

Nataliya N. Meshcheryakova

Dr. Sci. (Soc.), Prof., Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7658-7993>, SPIN: 8265-0899,

AuthorID: 611303

E-mail: natalia.tib@mail.ru

Elena N. Rogotneva

Cand. Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4843-6925>, SPIN: 5203-3367,

AuthorID: 152615

E-mail: erogotneva@tpu.ru

ABSTRACT

The philosophy of independent living implies the possibilities of leading a life independent of third parties for people with disabilities. Digitalization of the most important spheres of activity: education, employment and employment, health care, public administration is considered, among other things, as the most important tool for solving this problem. But, as empirical studies show, the secondary analysis of the results of which is carried out in this article, at the moment, digitalization creates additional social barriers, increasing segregation and exacerbating the inequality of this social community. The availability of modern information and communication technologies and the ability to use them are influenced by both independent factors common for the population (age, education, income, type of settlement), and specific ones inherent only in this social community (nosology and severity of a functional defect). Inattention within the framework of digitalization programs to the fact that disability has an individual trajectory and for the full use of modern information and communication technologies, people with disabilities need assistive technologies, the costs

for them, the compatibility of auxiliary software with the design of websites is one of the main reasons for the emergence of digital inequality in this category of the population.

To minimize digital barriers, depending on the individual needs of disabled people, it is proposed:

- 1) to expand the functions, competencies and technical capabilities of social workers and / or organize technological support of life activities by volunteers;
- 2) to develop programs of additional information education;
- 3) to calculate the costs of assistive technologies for individual nosologies to provide targeted social assistance;
- 4) to encourage and subsidize the development of assistive technologies within the framework of state financial assistance to high-tech developments;
- 5) to take into account the special needs of people with disabilities in digitalization programs.

Keywords

Individual disability model, social barriers, social model of disability, digitalization, information and communication technologies, assistive technologies, digital inequality, digital divide, inclusive society

For citation

Meshcheryakova N.N., Rogotneva E.N. (2021) Digitalization: new risks for people with disabilities. Problem statement. *Digital sociology*, vol. 4, no. 3, pp. 44–52. DOI: 10.26425/2658-347X-2021-4-3-44-52

© Meshcheryakova N.N., Rogotneva E.N., 2021. This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

ВВЕДЕНИЕ

Цифровизация важнейших сфер общественной жизни – образования, занятости и трудоустройства, здравоохранения, государственного управления – рассматривается руководством разных стран как способ улучшить качество жизни людей, в том числе, как инструмент повышения социальной активности людей с инвалидностью. Этого пока не происходит, более того, как показывают эмпирические исследования [Duplaga, 2017; Macdonald, Clayton, 2013; Park, 2020] современные информационно-коммуникационные технологии (далее – ИКТ), создают новые формы сегрегации, обусловленные цифровым неравенством. На сегодняшний день проблема неравного доступа к цифровым ресурсам и низкий уровень развития пользовательских навыков продолжает быть актуальной во всех развитых странах.

В данной работе мы исследуем: почему так происходит; как минимизировать негативные последствия цифровизации для групп населения с ограниченными возможностями здоровья; какие шаги необходимо предпринять, чтобы осуществить намеченный план и заставить современные технологии работать в интересах людей с инвалидностью.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Понятие «цифровизация» окончательно не сложилось в социологии, но подходы к его определению уже оформились. Рассмотрим некоторые из них.

Системно-деятельностный процесс овладения информацией как ресурсом управления и развития с помощью технических средств и цифровой инфраструктуры с целью создания цифрового общества и на этой основе – дальнейшего прогресса цивилизации [Василенко, Мещерякова, 2021].

«Инфо-технологические преобразования и моделирование гибридных инфосоциальных систем» [Тихонов, Богданов, 2020].

Первое определение построено с позиции теории управления, а второе – теории систем. Само многообразие подходов говорит о том, что институционализация понятия не завершена, и что цифровизация – сложное многомерное явление, для изучения которого необходима междисциплинарность.

В целом цифровизацию можно рассматривать как механизм перехода общества постиндустриального в свою завершающую стадию – цифровое общество [Василенко, Мещерякова, 2021]. В сфере государственного управления, согласно национальной программе «Цифровая экономика Российской Федерации»¹, под

этим процессом, в первую очередь, подразумевают внедрение цифровых технологий и платформенных решений в систему государственного управления и оказания государственных услуг. С.М. Зубарев предлагает следующее авторское определение цифровизации государственного управления: «это процесс внедрения в деятельность государственных органов цифровых технологий, позволяющих осуществить качественные преобразования в реализации государственных функций и оказании государственных услуг, обеспечить эффективное взаимодействие граждан и государства» [Зубарев, 2020]. Однако Л.А. Василенко и В.В. Зотов полагают, что если технологии не востребованы обществом или его частью, то они ничего не изменят и даже будут мешать, создавая угрозы, которые определяются состоянием общества [Василенко, Зотов, 2020]. Последний вывод является побудительным фактором для данного исследования.

Если анализировать план мероприятий по направлению «Информационная инфраструктура» программы «Цифровая экономика Российской Федерации»², то главным риском для домохозяйств, то есть рядовых участников цифрового взаимодействия с государственными и муниципальными структурами, разработчики программы считают отсутствие широкополосного доступа к сети «Интернет» (далее – Интернет) (не менее 100 Мбит/с). И именно на максимизацию этого доступа для граждан Российской Федерации направлены мероприятия государственной программы и выделено их бюджетное финансирование.

Действительно, цифровое неравенство (англ. Digital divide) рассматривается в научной литературе, прежде всего, как неравенство в доступе к современным средствам коммуникации. Но ряд исследователей трактуют его шире. В.С. Богданов пишет об интегрировании в общественные отношения сверхсложных производственно-технических электронных систем управления и делает вывод о расширении понятия цифрового неравенства, которое проявляется как различие в уровне и качестве социальной активности, заинтересованности и возможности включения населения в процессы управления, неравномерном проявлении гибридных практик управления. Автор делает акцент на компетентности и материальных возможностях населения, а также на подмене реального управления с реальным участием населения в разработке и реализации управленческих решений функциями власти со стороны федеральных и региональных органов [Богданов, 2016].

Остановимся на компетентности и материальных возможностях населения. Цифровизация требует ресурсов не только от государства, но и от граждан. И это не только доступ к широкополосному Интернету, наличие гаджетов, но и определенные навыки и физические

¹ Распоряжение Правительства РФ от 28.07.2017 № 1632-р «Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации» // Официальный сайт Правительства России. Режим доступа: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf> (дата обращения: 11.06.2021).

² Там же.

возможности. Поэтому возникает исследовательская проблема: не ведет ли цифровизация государственного и муниципального управления к ухудшению положения социально уязвимых групп населения, прежде всего людей с инвалидностью, и усугублению их социального неравенства за счет новой формы деления – цифрового неравенства.

В своем исследовании мы исходим из социальной модели инвалидности, основанной на концепции социальных барьеров [Guo et al., 2005]. Модель социального конструирования отходит от идеи, что инвалидность – это физический или функциональный недостаток, и рассматривает ее с точки зрения барьеров в социальной среде. Инвалидность – это не телесные нарушения как таковые, а, скорее, социальная дискриминация и предубеждения, которые приводят к стигматизации. Если новые ИКТ разработаны таким образом, что некоторые категории людей с инвалидностью не могут их использовать: требуются дополнительные программы или технические средства, расходы на которые несут сами инвалиды, или веб-разработчики не предусмотрели в настройках контента возможность работы с применением ассистивных технологий [Adam, Kreps, 2006], – это создает барьеры цифрового неравенства для людей с инвалидностью, усиливая их дискриминацию в обществе. Следовательно, мы можем утверждать, что плохо спроектированный веб-сайт может рассматриваться как создающий инвалидность.

В работе использован институциональный подход: мы рассматриваем сложившуюся систему управления процессами обеспечения жизнедеятельности людей с инвалидностью и их прав на независимое существование и равенство возможностей с иными социальными группами как социальный институт. На основе вторичного анализа исследований, проведенных не на российском поле, но результаты которых с оговорками могут быть спроецированы на российский социум, мы намечаем контуры исследовательской проблемы, как и почему современные ИКТ создают барьеры цифрового неравенства для инвалидов. Информационно-коммуникативные и ассистивные технологии могли бы способствовать достижению той же функциональности, что и у людей без инвалидности. Почему этого пока не происходит?

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В Российской Федерации инвалиды в свете процесса цифровизации не выделяются в социальную группу с особыми потребностями. Когда на улицах для них создают безбарьерную среду, исполнительная власть отдает себе отчет в необходимости особой логистики передвижения, коммуникации и прочем. Но когда речь идет о взаимодействии, опосредованном информационными технологиями, то в лучшем случае

добавляется опция увеличения шрифта для слабовидящих на веб-сайтах. В исследовании «Информационное общество в Российской Федерации. 2020»³, выполненном Высшей школой экономики (далее – ВШЭ) по заказу Федеральной службы государственной статистики, инвалиды упоминаются только однажды в словарном определении понятия «безработные». Для российского управления невнимание к малым социальным группам характерно до сих пор. Но насколько эта группа малая? По данным Росстата на 2020 г. в России 11 875 000 инвалидов⁴. Это 81 человек на каждую тысячу или несколько больше 8 % общества. По оценкам Всемирной организации здравоохранения, глобальная распространенность инвалидности среди населения в возрасте 15 лет и старше в 2010 г. достигла 19,4 %⁵. Рост инвалидизации населения происходит в связи улучшением системы здравоохранения и ростом продолжительности жизни, поэтому с этим трендом в развитии демографической ситуации, так же как и со старением населения в развитых странах, нельзя не считаться.

В странах, стадияльно более зрелых в построении информационного общества, вопрос, как влияет цифровизация на положение людей с инвалидностью, социологами уже поднимался. Предметом в подобных исследованиях выступают: доступность современных ИКТ, компетентность в их использовании, и поведение в Интернете, характерные поведенческие паттерны. Объектом изучения являются сами люди с инвалидностью, а в контрольную группу заводят население, не имеющее инвалидности.

Можно выделить ряд независимых переменных, которые используются так или иначе во всех исследованиях, влияющих на доступность/способность/поведение. Абсолютной доминантой является возраст. Люди старше 74 в выборки вообще не включаются, в том числе в исследовании ВШЭ по информационному обществу в России, которое мы упомянули выше. Но и россияне с инвалидностью распределены по возрастным группам неравномерно и наибольшая их доля по данным Росстата за 2021 г. в возрастной группе старше 60 лет – 62,12 %⁶. Следовательно, мнение части из них не учтено.

³ Информационное общество в Российской Федерации. 2020: статистический сборник. М.: НИУ ВШЭ, 2020. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/lqv3T0Rk/info-ob2020.pdf> (дата обращения: 11.06.2021).

⁴ Росинфостат (2021). Инвалиды в России: количество, степени и виды, размер ЕВД. Режим доступа: <https://rosinfostat.ru/invalidity/> (дата обращения: 11.06.2021).

⁵ World Health Organisation (2021). Fact sheets on the Sustainable Development Goals (SDGs): health targets. Режим доступа: <https://www.euro.who.int/en/health-topics/health-policy/sustainable-development-goals/publications/2017/fact-sheets-on-the-sustainable-development-goals-sdgs-health-targets#426389> (дата обращения: 11.06.2021).

⁶ Росинфостат (2021). Инвалиды в России: количество, степени и виды, размер ЕВД. Режим доступа: <https://rosinfostat.ru/invalidity/> (дата обращения: 11.06.2021).

Согласно данным исследования ВШЭ на 2019 г., удельный вес населения, использующего Интернет, в общей численности населения составляет 88,6 %, но в возрастной группе 65–74 лет им пользуются только 51,6 %. Среди причин неиспользования ведущими являются нежелание (отсутствие интереса) – 74 % и недостаток навыков для работы в сети 32,9 %⁷. Инвалиды старших возрастных групп демонстрируют и неумение, и нежелание взаимодействовать с современными ИКТ. Оставить их в покое с их незаинтересованностью невозможно из-за процессов цифровизации государственного управления и здравоохранения. Необходимо расширить функции, компетенции и технические возможности социальных работников, взаимодействующих с этой категорией людей с инвалидностью или организовать технологическое сопровождение их жизнедеятельности силами волонтеров. Такие социальные программы необходимы пожилым людям и без установленной инвалидности. Потребность в программах будет сокращаться по мере естественной смены поколений, но на данный момент нужда в них есть.

Вторым доминирующим фактором является уровень образования. По результатам исследования польского общества, лица с высшим образованием в 18,17 раза чаще пользовались Интернетом, чем лица с базовым или более низким образованием [Duplaga, 2017]. В российском управлении в последние десятилетия наметился тренд в сторону прагматичного подхода к профессиональному образованию, целью которого стала подготовка профессиональных кадров для социально-экономических потребностей развития страны. На наш взгляд, такой подход к образованию людей с инвалидностью неприменим. Обучающиеся из числа лиц с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья (далее – ОВЗ) и члены их семей рассматривают процесс получения образования в аспекте коммуникации и социализации в среде нормотипичных сверстников. Само образование является скорее ценностью, чем целью. На его получение может быть затрачено гораздо больше времени, чем у здорового человека, поскольку приоритетом является не успешность, а здоровье. Процесс получения образования может рассматриваться основной формой занятости инвалида.

Пол не является универсальным независимым фактором, если исследование в Южной Корее устанавливает более высокую компетентность мужчин в использовании современными ИКТ [Park, 2020], то результаты польского опроса говорят о том, что пол не влияет на использование Интернета [Duplaga, 2017]. Видимо, здесь имеет место влияние культурно-исторических особенностей.

⁷ Информационное общество в Российской Федерации. 2020: статистический сборник. М.: НИУ ВШЭ, 2020. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/lqv3T0Rk/info-ob2020.pdf> (дата обращения: 11.06.2021).

Тип поселения во всех исследованиях имеет значение. Горожане пользуются Интернетом активнее, чем жители сельской местности, но возможно, большее значение здесь имеет именно неравная доступность широкополосного и мобильного Интернета, а не способность и мотивированность самих пользователей.

Безусловно, независимым фактором является доход. Все взятые для анализа исследования показывают, что факторы, определяющие уровень цифрового неравенства инвалидов, аналогичны таковым в общей популяции. В первую очередь это связано с уровнем дохода. Он коррелируется как с доступностью современных ИКТ, так и с компетентностью в их использовании, а также более высокой частотой использования/поведения в сфере жизнеобеспечения. Но мы можем сформулировать гипотезу, что зависимость доступности ИКТ от дохода должен напоминать график логарифмической функции, когда после некоторого значения X (доход), значение Y (доступность ИКТ) перестает расти. Необходимо построить математическую модель, которая учитывала бы доступность и абонентскую плату за широкополосный Интернет и стоимость самих интеллектуальных устройств, необходимых инвалиду каждой нозологии для свободного пользования возможностями, которые предоставляет Интернет. Такая модель помогла бы в расчетах единовременной социальной выплаты для обеспечения необходимыми ИКТ.

Нозология и тяжесть функционального дефекта – еще два независимых фактора, которые влияют на доступность ИКТ, пользовательские навыки и даже паттерны поведения в сети. В корейском исследовании было установлено, что функциональные нарушения нижних конечностей вплоть до тяжелой степени инвалидности, паралича, в случае если они не сочетаются с другими нарушениями, не только не мешают, но коррелируются с ростом компетентности инвалидов и широкой вариативности интернет-поведения [Park, 2020]. Наиболее уязвимыми являются инвалиды с потерей зрения, далее идут люди с нарушением моторики верхних конечностей и слуха [Adam, Kreps, 2006], также трудности в освоении современных ИКТ имеют люди с нарушением когнитивных функций и, конечно, инвалиды с множественными нарушениями имеют самые низкие показатели доступности Интернета и способности его использовать для повышения качества своей жизни [Macdonald, Clayton, 2013].

До сих пор управленческая традиция в Российской Федерации исходит из того, что люди с инвалидностью – это одна социально уязвимая группа, которая нуждается в едином патерналистском подходе. Такая политика берет начало в благотворительной и медицинской моделях инвалидности [Fulcher, 1989]. Но инвалидность – это индивидуальная модель жизнедеятельности. Большая часть инвалидов –

это люди с тяжелыми общими заболеваниями, такими как сахарный диабет, бронхиальная астма, или онкологические заболевания. Их инвалидность часто не очевидна для окружающих, они не нуждаются в какой-либо специально организованной безбарьерной среде. Инвалиды с параличом нижних конечностей, те, на кого в первую очередь направлена государственная программа «Доступная среда»⁸, не нуждаются в особой помощи для пользования Интернетом, на них действуют только общие для популяции независимые факторы: возраст, образование, доход. Напротив, эта группа людей с инвалидностью – максимальные бенефициары цифровизации, которая значительно расширила их возможности коммуникации, занятости, решения вопросов жизнеобеспечения. Однако, если исходить из индивидуальной модели инвалидности, то оказывается, что цифровизация неоднозначно повлияла на жизненные шансы людей с ОВЗ.

Цифровые технологии предназначены, в первую очередь, для людей без нарушений здоровья [Borg et al., 2011]. Их дизайн не ориентирован на потребителей с ограниченными возможностями. Исследование доступности публичных веб-сайтов в Великобритании показало, что менее 20 % из них соответствуют хотя бы самым базовым стандартам доступности по всему спектру инвалидности, включая нарушения слуха, моторики и зрения [Adam, Kreps, 2006]. Для того чтобы адаптировать их под свои потребности, необходимо приобретать и устанавливать дополнительные приложения. Люди с нарушениями зрения, например, используют программное обеспечение для синтеза речи, которое считывает текст на веб-страницах. Финансовое бремя ложится на самих инвалидов. Это создает дополнительные барьеры [Macdonald, Clayton, 2013]. Британские исследователи обращают внимание, что даже наличие специальных приложений еще не гарантирует людям с инвалидностью равный доступ к контенту веб-сайта, поскольку при его проектировании разработчики могли не принять во внимание требования веб-доступности [Adam, Kreps, 2006]. Если большая часть интернет-ресурсов остается недоступной для инвалидов, это может серьезно ограничить его потенциал в качестве платформы для построения социальной интеграции.

Британские исследователи, анализируя политику руководства страны, делают вывод, что перспективы цифровых технологий для преодоления проблем инвалидов в сферах образования, занятости, коммуникаций, обеспечения независимой жизни и здравоохранения, – были сильно преувеличены и не материализовались

⁸ Постановление Правительства РФ от 29.03.2019 № 363 (ред. от 23.03.2021) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Доступная среда» // СПС «Консультант-Плюс». Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_322085/ (дата обращения: 11.06.2021).

[Goggin, Newell, 2000]. Главным образом потому, что вопрос рассматривался не всесторонне. Подразумевалось, что доступ к технологиям сам собой обеспечивает социальную интеграцию. Вопрос, как это должно осуществляться, не поднимался. А. Адам и Д. Крепс называют такой упрощенный подход «союзом между либерализмом и технологическим детерминизмом» [Adam, Kreps, 2006]. Авторы полагают, что как наличествуют различные типы исключения, так может быть и несколько вариантов цифровых барьеров.

Одним из ключевых барьеров является то, что ассистивные технологии слишком дорогостоящи и часто неэффективны для большинства инвалидов. Для того чтобы вспомогательные технологии были эффективными, считают шведские исследователи, их нужно рассматривать как «право на помощь» для инвалидов, а не как «товар» [Borg et al., 2011]. Без финансового и правового регулирования со стороны властей невозможно обеспечить это право. С одной стороны, необходимо мотивировать веб-разработчиков к созданию инклюзивных ИКТ. Параллельно с этим следует выделять средства на создание вспомогательных ИКТ для инвалидов. Необходимость ассистивных вспомогательных технологий – эта та достройка доступности ИКТ, без которой невозможно добиться цифровизации жизнедеятельности этой социальной общности, учитывая все нозологии. Опыт, уже обобщенный странами, в которых дискурс «информационного общества» и «инклюзивного общества» развивается более продуктивно, необходимо учитывать в Российской Федерации при коррекции государственных программ, направленных на повышение жизненных шансов и качества жизни людей с инвалидностью и ОВЗ.

Невнимание к вопросу существования цифровых барьеров может иметь следующие последствия для этой общности:

- рост сегрегации;
- рост изоляции (отчуждения);
- дефицит значимой информации;
- трудности в управлении и контроле своей жизни (повышение степени зависимости от других людей, финансовые потери).

В целом возрастает неравенство и отчуждение в различных аспектах жизни, таких как социальные и экономические возможности и качество жизни.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Не следует думать, что цифровизация государственного управления и иных значимых сфер общественной жизни автоматически приведет к росту качества жизни и социальной активности людей с инвалидностью. Для отдельных нозологий, как например, лиц с инвалидностью, обусловленной общими

заболеваниями, это вполне вероятно. Тем не менее, инвалидность – это индивидуальная жизненная модель (траектория). Для людей, которым необходимо специализированное программное обеспечение, ассистивные вспомогательные технологии, цифровизация создает дополнительные социальные барьеры, связанные с невозможностью или затрудненностью пользования ИКТ. Эти барьеры уже получили в исследовательской литературе определение цифрового разрыва или цифрового неравенства.

Люди с ограниченными возможностями здоровья пользуются Интернетом реже, чем население в целом. Потенциальная возможность расширения их участия в жизни общества с помощью инструментов ИКТ не реализована. Цифровой разрыв, наблюдаемый в этой популяции, частично объясняется тем фактом, что эта группа состоит в значительной части пожилых людей, компетентность которых в отношении ИКТ значительно ниже, чем в более молодых когортах населения. Также очевидно, что и другие социально-экономические факторы играют значительную роль в ограничении доступа к Интернету, особенно уровень образования.

Цифровой разрыв не преодолеть без государственных программ, в том числе по законодательному обеспечению права на доступность ИКТ для инвалидов и разработке интеллектуальных устройств, обеспечивающих этот доступ. Эти технологии могут быть слишком дороги для самих инвалидов, но они являются их правом на помощь, а не товаром. Различные виды инвалидности могут потребовать различных мер и форм институциональной поддержки для преодоления разрыва. В частности, необходимо повысить уровень компетентности и возможности использования ИКТ, предоставив больше возможностей для технологического образования.

Те кто остается оторванным от технологий, с большей вероятностью будут исключены из основной социальной, экономической и политической деятельности. Поэтому расширение доступа к технологиям и их использование позиционируется как ключевой инструмент для решения таких социальных проблем. Таким образом, речь идет не только о важности использования технологий и доступа к ним, но и о социально-экономических выгодах, которые это может принести. Одной из главных составляющих Программы фундаментальных научных исследований в Российской Федерации на долгосрочный период (2021–2030 гг.)⁹ заявлена разработка стратегии демографической политики Российской Федерации на период до 2050 г. Мы полагаем, что общие тренды демографического развития, такие как рост продолжительности жизни, старение населения, предполагают изменение отношения к инвалидам от понятия «иждивенцы» к понятию «субъекты экономической деятельности с особыми потребностями к ее организации». Цифровизация могла бы способствовать реализации такого перехода, создав рабочие места для этой категории работников.

Философия независимой жизни инвалидов предполагает создание для людей с ОВЗ такой среды, которая позволит вести независимое существование. Мы считаем, что вопрос профилактики возникновения социальных барьеров либо их минимизации требует дополнительного исследования и осмысления. «Лес рубят – щепки летят» – надеемся, этот лозунг для нашего общества остался в прошлом.

⁹ Распоряжение Правительства РФ от 31.12.2020 № 3684-р «Об утверждении Программы фундаментальных научных исследований в Российской Федерации на долгосрочный период (2021 – 2030 годы)» // СПС «КонсультантПлюс». Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_373604/ (дата обращения: 11.06.2021).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Богданов В.С.* (2016). Цифровое неравенство как следствие процессов электронизации общества и гибридации систем управления по материалам проекта «коммуникативное неравенство» // Коммуникация в социально-гуманитарном знании, экономике, образовании. Организационная коммуникация – 2016: материалы IV Международной научно-практической конференции. Минск, 7–9 апреля 2016 г. / отв. ред.: О. В. Терещенко. Минск: Изд. центр БГУ. С. 317–320.
- Василенко Л.А., Зотов В.В.* (2020). Цифровизация публичного управления в России: риски, казусы, проблемы // *Цифровая социология*. Т. 3, № 2. С. 4–16. <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2020-2-4-16>
- Василенко Л. А., Мецержкова Н. Н.* (2021). Социология цифрового общества: монография. [В печати].
- Зубарев С.М.* (2020). Правовые риски цифровизации государственного управления // *Актуальные проблемы российского права*. Т. 15, № 6. С. 23–32. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2020.115.6.023-032>
- Тихонов А.В., Богданов В.С.* (2020). От «умного регулирования» к «умному управлению»: социальная проблема цифровизации обратных связей // *Социологические исследования*. № 1. С. 74–81. <https://doi.org/10.31857/S013216250008325-0>
- Adam A., Kreps D.* (2006). Web accessibility: A digital divide for disabled people? // *Social Inclusion: Societal and Organizational Implications for Information Systems*. IFIP International Federation for Information Processing / edited by E.M. Trauth, D. Howcroft, T. Butler, B. Fitzgerald, J.I. DeGross, V. 208. Boston: Springer. Pp. 217–228. https://doi.org/10.1007/0-387-34588-4_15
- Borg J., Larsson S., Östergren P.O.* (2011). The right to assistive technology: for whom, for what, and by whom? // *Disability & Society*. V. 26, no. 2. Pp. 151–167. <https://doi.org/10.1080/09687599.2011.543862>

- Duplaga M. (2017). Digital divide among people with disabilities: Analysis of data from a nationwide study for determinants of Internet use and activities performed online // *PLoS ONE*. V. 12, no. 6. Art. e0179825. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0179825>
- Fulcher G. (1989). *Disabling policies? A comparative approach to education policy and disability*. London: Falmer Press. 302 p.
- Goggin G., Newell C. (2000). An end to disabling policies? Toward enlightened universal service // *The Information Society*. V. 16, no. 2. Pp. 127–133. <https://doi.org/10.1080/01972240050032889>
- Guo B., Bricout J.C., Huang J. (2005). A common open space or a digital divide? A social model perspective on the online disability community in China // *Disability & Society*. V. 20, no. 1. Pp. 49–66. <https://doi.org/10.1080/0968759042000283638>
- Macdonald S.J., Clayton J. (2013). Back to the future, disability and the digital divide // *Disability & Society*. V. 28, no. 5. Pp. 702–718. <http://doi.org/10.1080/09687599.2012.732538>
- Park E.Y. (2020). Digital competence and internet use/behavior of persons with disabilities in PC and smart device use // *Universal Access in the Information Society*. Режим доступа: <https://link.springer.com/article/10.1007%2Fs10209-020-00782-z> (дата обращения: 11.06.2021). <https://doi.org/10.1007/s10209-020-00782-z>

REFERENCES

- Adam A. and Kreps D. (2006), “Web accessibility: A digital divide for disabled people?”, *Social Inclusion: Societal and Organizational Implications for Information Systems*. *IFIP International Federation for Information Processing*, vol. 208, edited by E.M. Trauth, D. Howcroft, T. Butler, B. Fitzgerald, J.I. DeGross, Springer, Boston, M.A., US, pp. 217–228. https://doi.org/10.1007/0-387-34588-4_15
- Bogdanov V.S. (2016), “Digital inequality as a consequence of the processes of society’s electronization and hybridization of management systems based on the materials of the project “Communicative inequality”, *Communication in Social and Humanitarian Knowledge, Economics, and Education. Organizational Communication – 2016: Proceedings of the 4th International Scientific and Practical Conference. Minsk, April 7– 9, 2016*, responsible editor O.V. Tereshchenko, Minsk, Belorussian State University Publishing Center, pp. 317–320. (In Russian).
- Borg J., Larsson S. and Östergren P.O. (2011), “The right to assistive technology: For whom, for what, and by whom?”, *Disability & Society*, vol. 26, no. 2, pp. 151–167. <https://doi.org/10.1080/09687599.2011.543862>
- Duplaga M. (2017), “Digital divide among people with disabilities: Analysis of data from a nationwide study for determinants of Internet use and activities performed online”, *PLoS ONE*, vol. 12, no. 6, art. e0179825. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0179825>.
- Fulcher G. (1989), *Disabling policies? A comparative approach to education policy and disability*, Falmer Press, London, UK.
- Goggin G., and Newell C. (2000), “An end to disabling policies? Toward enlightened universal service”, *The Information Society*, vol. 16, no. 2, pp. 127–133. <https://doi.org/10.1080/01972240050032889>
- Guo B., Bricout J.C. and Huang J. (2005), “A common open space or a digital divide? A social model perspective on the online disability community in China”, *Disability & Society*, vol. 20, no. 1, pp. 49–66. <https://doi.org/10.1080/0968759042000283638>
- Macdonald S.J. and Clayton J. (2012), “Back to the future, disability and the digital divide”, *Disability & Society*, vol. 28, no. 5, pp. 702–718. <http://doi.org/10.1080/09687599.2012.732538>
- Park E.Y. (2020), “Digital competence and internet use/behavior of persons with disabilities in PC and smart device use”, *Universal Access in the Information Societ*. Available at: <https://link.springer.com/article/10.1007%2Fs10209-020-00782-z> (accessed 11.06.2021). <https://doi.org/10.1007/s10209-020-00782-z>
- Tikhonov A.V. and Bogdanov V.S. (2020), “From “clever regulation” to “clever management”: social problem of digitalization of feedbacks”, *Sociological Studies*, no. 1, pp. 74–81. (In Russian). <https://doi.org/10.31857/S013216250008325-0>
- Vasilenko L.A. and Meshcheryakova N.N. (2021), *Sociology of the digital society: monograph*. [In print].
- Vasilenko L.A. and Zotov V.V. (2020), “Digitalization of public administration in Russia: risks, casuses, problems”, *Digital Sociology*, vol. 3, no. 2, pp. 4–16. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2020-2-4-16>
- Zubarev S.M. (2020), “Legal risks of digitalization of public administration”, *Actual Problems of Russian Law*, vol. 15, no. 6, pp. 23–32. (In Russian). <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2020.115.6.023-032>

TRANSLATION OF FRONT REFERENCES

¹ Decree of the Government of the Russian Federation dated July 28, 2017, No. 1632-r “On Approval of the Programme “Digital Economy of the Russian Federation”, *Official website of the Russian Government*. Available at: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yL-VuPgu4bvR7M0.pdf> (accessed 11.06.2021).

² Ibid.

³ Information society in the Russian Federation. 2020: statistical collection, Moscow, Russia, National Research University Higher School of Economics, 2020. Available at: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/lqv3T0Rk/info-ob2020.pdf> (accessed 11.06.2021).

⁴ Rosinfostat (2021), Disabled people in Russia: the number, degrees and types, the size of the unified tax on imputed income. Available at: <https://rosinfostat.ru/invalidy/> (accessed 11.06.2021).

⁵ World Health Organisation (2021). Fact sheets on the Sustainable Development Goals (SDGs): health targets. Available at: <https://www.euro.who.int/en/health-topics/health-policy/sustainable-development-goals/publications/2017/fact-sheets-on-the-sustainable-development-goals-sdgs-health-targets#426389> (accessed 11.06.2021).

⁶ Rosinfostat (2021), Disabled people in Russia: the number, degrees and types, the size of the unified tax on imputed income. Available at: <https://rosinfostat.ru/invalidy/> (accessed 11.06.2021).

⁷ Information society in the Russian Federation. 2020: statistical collection, Moscow, Russia, National Research University Higher School of Economics, 2020. Available at: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/lqv3T0Rk/info-ob2020.pdf> (accessed 11.06.2021).

⁸ Decree of the Government of the Russian Federation dated March 29, 2019, No. 363 (as amended on March 23 2021) “On Approval of the State Programme of the Russian Federation “Accessible Environment”, *Legal reference system “ConsultantPlus”*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_322085/ (accessed 11.06.2021).

⁹ Decree of the Government of the Russian Federation of December 31, 2020, No. 3684-r “On Approval of the Programme of Fundamental Scientific Research in the Russian Federation for the long-term period (2021–2030)”, *Legal reference system “ConsultantPlus”*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_322085/ (accessed 11.06.2021).